

Еврейские салоны Берлина в зеркале интеллектуальной жизни Пруссии на рубеже XVIII–XIX вв.

Мария Сергеевна Третьякова

(Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия)

Аспирантка 2-го года обучения, ORCID ID: 0000-0003-0780-6309,
Российский государственный гуманитарный университет,
факультет архивного дела Историко-архивного института,
кафедра всеобщей истории: Москва, Россия, ул. Никольская,
15, каб. 10; ул. Миусская площадь, д. 6, корпус 5, тел. +7 (495)
698-37-92, E-mail: marsmithee@mail.ru

DOI: 10.31168/2658-3380.2018.18.3.1

Аннотация: В статье предпринимается попытка показать влияние еврейских салонов Берлина на интеллектуальную жизнь Пруссии на рубеже XVIII–XIX вв. Салон как форму коммуникации отличало активное участие женщин в традиционно мужских спорах о политике, философии и литературе. Женщина, как правило — аристократка, подбирала публику по своему усмотрению и задавала тон дискуссиям.

Расцвет салонной культуры в Пруссии приходится на последнюю четверть XVIII в. Вопрос о месте еврейских салонов в интеллектуальной жизни королевства является одним из самых дискуссионных. Дебора Гертц, Петра Вильгельми-Доллингер и Рената Фукс отстаивают взгляд на еврейские салоны как явление, оказавшее большое воздействие на уклад жизни прусских евреев и значительно повлиявшее на культуру Германии. Ханна Лунд и Барбара Хан рассматривают еврейские салоны как одну из попыток интеграции евреев на рубеже XVIII–XIX вв., однако полагают, что роль салонов не следует переоценивать.

Источниковая база настоящей работы представлена обширной перепиской и мемуарами акторов салонной жизни Берлина, а также сатирическими произведениями. В настоящей статье представлены наиболее знаменитые хозяйки еврейских салонов Берлина последней четверти XVIII в. — Генриетта Герц и Рахель Левин. Вы-

сокий социальный статус их семей, их собственная эрудиция и неординарность вызывали живой интерес у немецкой публики. В круг посетителей этих салонов входили выдающиеся деятели культуры Германии. Интенсивное общение с женщинами из еврейской среды оказало влияние на творчество многих немецких интеллектуалов. В статье прослеживается, каким образом дружба Генриетты Герц с Фридрихом Шлейермахером повлияла на становление его как создателя оригинальной религиозной концепции. Кроме того, здесь рассматривается роль Доротеи Мендельсон в судьбе и творчестве Фридриха Шлегеля.

Особое внимание уделяется литературному творчеству женщин из еврейской среды как важнейшей составляющей культурной интеграции. На примере Доротеи Мендельсон в настоящей статье предпринимается попытка продемонстрировать, что принадлежность к салонным кругам давала еврейским женщинам возможность начать литературную деятельность.

Автор прослеживает реакцию консервативно настроенной прусской интеллигенции на рост популярности еврейских салонов. На примере сочинений Фридриха Николаи и Августа Бернгарди показано, каким образом страхи «феминизации» и интеграции евреев в немецкое общество отразились в сатире конца XVIII в.

Ключевые слова: *еврейский салон, Хаскала, Пруссия, интеграция, женское творчество*

Вторая половина XVIII в. отмечена расцветом культурной жизни немецких государств. На всю Европу гремят имена Иммануила Канта, подарившего миру новую философию, Гете и Шиллера, провозвестников романтизма. На этом фоне выделялось королевство Пруссия, которое, наряду с Саксонией и Австрией, во второй половине XVIII в. стало одним из динамично развивающихся немецкоязычных регионов. Во второй половине XVIII в. Берлин становится центром Хаскалы — еврейского Просвещения. С немецкими просветителями активно сотрудничают Моисей Мендельсон и Нафтали Герц Вессели — лидеры Хаскалы, выступившие за культурную интеграцию евреев в европейское общество.

Идеи интеграции были продиктованы стремлением улучшить положение прусских евреев. Со времен Фридриха Вильгельма I в отношении еврейского населения Пруссии проводилась ограничительная политика, сводившаяся к регламентации численности евреев и рода их деятельности. Своего апогея она достигла во времена Фридриха II. Согласно регламенту от 1750 г., еврейское население Пруссии делилось на «покровительствуемых» и «терпимых» в зависимости от уровня дохода и заслуг перед двором. Малоимущие члены еврейской общины были лишены права на занятие торговлей или ремеслом, а также на выбор места жительства. Как явствовало из записки представителей еврейских общин от 1787 г., в число поборов входили серебряный налог, налог на выборы общинных органов управления, пожарный налог и др. [Дубнов 1919, 9]. Одним из самых унижительных поборов была пропускная пошлина — плата за право въезда в ту или иную провинцию внутри Прусского королевства.

Важнейшей задачей по преодолению социальной изоляции евреев Мендельсон считал приобщение к немецкой культуре, прежде всего — литературе [Wilhelmy-Dollinger 2000, 56]. При сотрудничестве с Э. Лессингом и издателем Ф. Николаи он участвовал в создании печатных органов, отражавших идеалы Просвещения, — «Писем о новейшей немецкой литературе» и во «Всеобщей немецкой библиотеке». Здесь Мендельсон выступил в роли критика, определявшего литературные предпочтения читающей публики, и даже вступал в полемику с самим Фридрихом II, не ставившим произведения немецких авторов в один ряд с французскими.

Целям культурного обмена и интеграции евреев в немецкое общество должна была служить и основанная в 1781 г. в Берлине Свободная еврейская школа. Инициаторами ее открытия, наряду с Мендельсоном, были его близкие друзья — еврейские просветители Давид Фридлендер и Исаак Даниэль Итциг — отпрыски состоятельных еврейских семей. Открытие бесплатной школы на общих основаниях стало возможностью для мальчиков из малоимущих семей получить начальное образование по немецкому образцу [Hertz 2009, 48]. Основой образовательной программы были немец-

кий и французский языки, арифметика, геометрия и другие светские науки, изучению Мишны и Талмуда здесь совсем не уделяли внимания.

Просветительская деятельность Моисея Мендельсона вызвала негодование блюстителей ортодоксального иудаизма [Hertz 2009, 48]. Открытие Свободной еврейской школы, а также перевод Торы на немецкий язык осудили влиятельные раввины Праги и Альтоны [Feiner, Naimark-Goldberg 2011, 32]. Однако ввиду роста деловых контактов с христианами после Семилетней войны берлинские евреи охотно перенимали европейский образ жизни. По свидетельству врача Карла Гримма и теолога Генриха Ульриха, посетивших столицу Пруссии в 1779 г., берлинские евреи одевались по-европейски, ходили в театр и читали немецкие газеты [Grimm, Ulrich 2013, 520].

Несмотря на протесты раввинов, состоятельные евреи приглашали на дом педагогов из числа христиан для своих сыновей. Некоторые еврейские семьи ангажировали учителей иностранных языков и для девочек [Lund 2004a, 117]. Усвоив немецкий язык, еврейские девушки открывали для себя романы Гете и Шиллера [Herz 1858, 124]. Радость от приобщения к миру немецкой литературы еврейские девушки стремились разделить в своих салонах или «чайных обществах», куда приходили представители и представительницы разных сословий и профессий.

Слава берлинских салонов второй половины XVIII в. неразрывно связана с именами женщин из еврейской среды — Генриетты Герц, Рахели Левин, Доротеи Мендельсон. В конце 1770-х гг. открыл двери первый еврейский салон Берлина, ставший одной из главных достопримечательностей города [Lund 2004a, 128]. Его хозяйка — Генриетта Герц, дочь врача сефардского происхождения, — считалась хорошо образованной женщиной [Ковалева 2016]. Так, она умела терпеливо выслушать своего собеседника, выразительно читала, сочиняла стихи, бегло разговаривала на английском и французском языках [Böttiger 2013, 483]. Путевкой в свет для Генриетты Герц стал брак с еврейским просветителем Маркусом Герцем. Маркус Герц, ученик Канта и автор ряда работ по философии и медицине, получил признание и среди

своих немецких коллег [Feiner, Naimark-Goldberg 2011, 66]. На его домашние лекции по физике и медицине собиралась «избранная публика» [Herz 1858, 97]. Послушать уважаемого в городе врача приходил сам кронпринц, будущий король Фридрих Вильгельм III.

Завсегдаемыми салона Генриетты Герц были молодые интеллектуалы, сыгравшие огромную роль в судьбе Пруссии в годы войны с Наполеоном, — братья Вильгельм и Александр Гумбольдты; будущий министр внутренних дел Пруссии кабинета реформаторов Штейна и Гарденберга Александр Дона Шлобиттен. Ни одной встречи в доме Герц не пропускали религиозный философ Фридрих Шлейермахер и писатель-романтик Фридрих Шлегель.

Фридрих Шлейермахер пользовался особой благосклонностью Генриетты Герц и оказывал на нее большое влияние [Schleiermacher 2013a, 249]. Накануне появления его самого известного труда «Речи о религии» в 1799 г., Шлейермахер регулярно сообщал Герц о ходе работы над ним [Schleiermacher 2013b, 268]. В письмах, адресованных Герц, Шлейермахер признавался, что может работать только в «ее присутствии и при ее покровительстве» [Schleiermacher 2013c, 257]. В дальнейшем, когда Шлейермахер обрел славу выдающегося философа и проповедника, Генриетта Герц ставила себе в заслугу то, что именно она вдохновила его на занятия писательством [Herz 1858, 96].

В салоне Генриетты Герц завязалась тесная дружба Фридриха Шлейермахера и Фридриха Шлегеля. Концепция религиозного чувства Шлейермахера, изложенная им в «Речах о религии», оказала огромное влияние на эстетику Шлегеля. Со страниц своего журнала «Атеней» Шлегель активно популяризировал учение Шлейермахера [Шлегель 1983a, 364]. Развивая теорию друга, Шлегель выступил в качестве провозвестника новой, «истинной» концепции религии, центральное место в которой будет принадлежать искусству (и в первую очередь — поэзии) [Габитова 1989, 77].

В салоне Генриетты Герц состоялось знакомство Фридриха Шлегеля с дочерью Моисея Мендельсона Доротеей. Отношения замужней Доротеей, матери двоих сыновей, со

Шлегелем шокировали как еврейскую общину, так и светские круги Берлина. Подвергнув уничижительной критике роман Шлегеля «Люцинда», в котором прообразом главной героини выступила Доротея Мендельсон, просветитель Гарлиб Меркель осудил автора за безыдейность его произведения, а также за связь с «разведенной иудейкой» [Merkel 2013, 536]. Фридрих Шиллер, припоминая Шлегелю его нелестные высказывания в свой адрес, в письме Гете отозвался о «Люцинде» как о бесформенном, фрагментарном и гротескном произведении, с трудом поддающимся прочтению [Schiller 2013, 537].

Несмотря на то, что общественность холодно приняла «Люцинду», Шлегель продолжал видеть в Доротее Мендельсон источник вдохновения. В письме от 1799 г., адресованном ей и опубликованном на страницах «Атенея», Шлегель изложил свои взгляды по поводу предназначения женщины в обществе. Обнаружив в Доротее немалую любознательность, автор письма назвал растиражированное моралистами мнение о неспособности женщин к занятию философией и разным наукам предрассудком [Шлегель 1983б, 336].

После развода с мужем, банкиром Симоном Фейтом, Доротея перешла в протестантизм и узаконила отношения с Фридрихом Шлегелем. Финансовые трудности вынудили ее заняться писательской и переводческой деятельностью. По мнению историка немецкой литературы Ф. Дайбеля, Доротее Шлегель отличала способность чувствовать актуальные тенденции в литературе и умело им подражать [Deibel 1905, 7]. Так, в 1801 г. увидел свет ее роман «Флорентин», созданный по образу и подобию «Вильгельма Мейстера» Гете.

Литераторы из числа друзей и знакомых семьи Шлегель высоко оценили работу Доротее. В числе достоинств романа Фридрих Шлейермахер в письме к Доротее отметил своеобразный стиль «Флорентина» и добросовестную проработку психологического портрета главного героя [Schleiermacher 1861d, 244–245]. Сама Доротея Шлегель считала свой писательский труд ремеслом, которым ей пришлось заняться, чтобы прокормить семью [Schlegel 1861a, 155]. К истинным творцам литературных шедевров она причисляла своего

мужа, который, по ее признанию, не должен был размениваться на незначительные работы [Schlegel 1861b, 128].

Одной из самых знаменитых женщин своего времени была Рахель Левин, дочь банкира и торговца ювелирными изделиями Маркуса Левина. Семейство Левин проживало на улице миллионеров — Егерштрассе, их дом регулярно навещали чиновники, обедневшие аристократы, надевавшиеся на займ, а также художники и актеры [Hertz 2009, 44]. Будучи заядлым театралом, Маркус Левин привил эту любовь Рахели [Tewarson 1988, 23].

Маленькая, не выделявшаяся яркой внешностью, Рахель привлекала современников своим остроумием [Sander 2013, 475]. В 1790-х гг. мансарда роскошного дома семьи Левин стала одной из самых популярных площадок Берлина. Здесь Рахель принимала гостей — молодых интеллектуалов, актеров и актрис, аристократов [Hahn 2005, 150]. В разное время в ее доме бывали братья Вильгельм и Александр Гумбольдты, Фридрих и Август Шлегели, Тик, Новалис и др.

В окружении видных деятелей политики и культуры Рахель Левин умело демонстрировала свою эрудицию и оригинальность взглядов [Varnhagen von Ense 1871, 89]. Для поддержания атмосферы непринужденности и единства в своем салоне Левин не делала различий по происхождению между гостями [Hahn 2005, 154]. Как отмечает Яков Кац, в салонах сталкивались лицом к лицу маргиналы и аристократы, вынужденные улыбаться тем, кому в повседневной жизни не подали бы руки [Кац 2007, 67]. По свидетельству писателя-романтика Клеменса Брентано, Левин, принимая у себя принца Луи Фердинанда и князя Радзивилла, не выказывала им особого почтения [Lund 2004a, 135]. Недоумение берлинского издателя Иоганна Зандера вызывала дружба Рахели Левин с людьми, не следовавшими канонам добропорядочности [Sander 2013, 475]. Так, доверительные отношения связывали Левин с графиней Пахтой, состоявшей в гражданском браке с выходцем из бюргерской среды, и графиней Шлабрендорф, носившей мужскую одежду [Lund 2004a, 132].

Предметом дискуссий является вопрос о масштабе фигуры Левин на интеллектуальном небосклоне Пруссии. По

мнению Ханны Лунд, Левин оставалась в памяти современников женой литературного критика Карла Фарнхагена фон Энзе, стараниями которого во многом и сохранился миф о «блестящих» еврейских салонах и их неординарных хозяйках [Lund 2006b, 166]. И в самом деле практически все наши сведения о Рахели Левин ограничены письмами и дневниками, тщательно отобранными для публикации ее супругом [Hahn 2005, 149].

Однако тенденциозность большого количества источников не лишает Рахель Левин статуса выдающейся интеллектуалки своего времени. Левин, в отличие от Жермены де Сталь или мадам де Жанлис не писавшая дамских романов, зарекомендовала себя как анонимный критик «Вильгельма Мейстера» Гете, чем обратила на себя внимание самого автора [Fuchs 2014, 316]. В 1815 г. Гете почтил чету Фарнхагена кратким визитом, будучи проездом во Франкфурте-на-Майне [Ионкис 2006, 185].

Свидетельством популярности еврейских салонов является реакция консервативно настроенных авторов. После обретения в 1791 г. французскими евреями равноправия в Пруссии и других немецких государствах зазвучали голоса противников эмансипации. Иоганн Готлиб Фихте, вхожий в еврейские салоны, предостерегал прусскую общественность от опасности «очутиться под пятой» евреев, не разделяющих христианские ценности [Fichte 1793, 190]. Чиновник министерства юстиции Пруссии Карл Вильгельм Фридрих Граттенауэр, также отвергавший идею эмансипации прусских евреев, выражал крайнее недовольство влиянием, которое еврейские женщины из салонных кругов оказывали на немецких интеллектуалов. Еврейки, демонстрировавшие немецкой публике свою эрудицию и таланты, оставались для Граттенауэра «чуждым элементом» [Hertz 2009, 60].

Писатель и филолог Август Фердинанд Бернгарди, в годы войны с Наполеоном принявший участие в разработке реформы образования, в 1797 г. издал сатирическое произведение «Мадам Мозес», главная героиня которого была знаменита тем, что идеи своих талантливых собеседников «раздавала первым встречным за гроши» [Gooze 2003, 82].

Неотразимости ей придавало то, что с помощью «кокеток, льстецов и низкопробных сочинителей» ее слава распространялась необыкновенно быстро [Bernhardi 2013, 569]. В мадам Мозес друзья и знакомые распознали Генриетту Герц. С жесткой критикой пасквиля выступил Фридрих Шлегель, поставивший автору в вину то, что тот практически не знал Генриетту Герц, так как не принадлежал к салонному обществу [Goože 2003, 82].

В 1799 г. берлинский книгоиздатель Фридрих Николаи опубликовал «Доверительные письма», в которых изобразил завсегдатаев салона Генриетты Герц — Фридриха Шлегеля и Фридриха Шлейермахера — самовлюбленными посредственностями и дамскими угодниками [Nicolai 2013, 570–571]. Не касаясь происхождения хозяек салонов, Николаи сокрушался по поводу роста влияния женщин на культурную жизнь берлинского общества [Nicolai 2013, 570]. Автора «Доверительных писем» беспокоил тот факт, что мужчины все больше уподобляются женщинам в своем эстетстве и изнеженности.

Однако в начале XIX в. общественно-политический и интеллектуальный климат Пруссии претерпел изменения. В условиях французской оккупации, в результате которой по Тильзитскому миру территория Пруссии уменьшилась в два раза, главной задачей королевской власти стала мобилизация населения для противодействия захватчикам. Не могла оставаться в стороне и интеллектуальная элита. Фихте сакрализировал любовь к Отечеству и стремился в своих лекциях доказать, что немцам присуще некое «фундаментальное свойство», отличавшее их от других европейцев [Фихте 2009, 125]. Шлейермахер на лекциях горячо убеждал своих слушателей в присутствии божественного замысла в поражении Пруссии [Стерхов 2011, 275].

Основанное в 1811 г. гейдельбергскими романтиками, главным образом Ахимом фон Арнимом и Клеменсом фон Brentано, «христианско-немецкое застольное общество» было также призвано сплотить прусское общество перед лицом врага [Garloff 2007, 431]. Согласно уставу, доступ в общество был закрыт для «французов, филистеров, евреев

и женщин» [Lund 2004a, 154]. Любопытно, что члены нового кружка, такие как Фихте, Генрих фон Клейст, актер Август Вильгельм Иффланд, композитор Иоганн Фридрих Рейхардт и даже Фридрих Шлейермахер некогда были завсегдатаями еврейских салонов.

Однако потребность в человеческих ресурсах внесла коррективы в положение прусских евреев. 11 марта 1812 г. кабинетом реформаторов Штейна и Гарденберга был обнародован «Эдикт об эмансипации», даровавший еврейскому населению гражданские права. Еврейские новобранцы получили право умереть за свою вновь обретенную родину. В их числе оказался двадцатилетний сын Доротеи Шлегель Филипп Фейт, которого впереди ожидала блестящая карьера художника-назарейца. В одном из писем от 1813 г. он поделился со своим отцом желанием послужить на благо Отечеству, наряду с «лучшими немецкими юношами» [Veit 1881, 146–147].

Многие евреи активно занялись волонтерством и благотворительностью. В 1813 г., в ходе сражений союзнической армии с Наполеоном под Кульмом и Дрезденом, Рахель Левин своими усилиями организовала перевязочный пункт для раненых прусских, австрийских и русских солдат [Levin 1833, 258]. Финансовую поддержку Рахели Левин оказывали внуки Даниэля Итцига, влиятельного банкира при дворе Фридриха II, — прусский дипломат Якоб Соломон Бартольди и его сестра Лея Мендельсон, мать будущего композитора Феликса Мендельсона [Levin 1833, 258].

Таким образом, еврейские салоны как каналы межкультурной коммуникации оказали воздействие на творчество ряда немецких авторов. Доступ к интеллектуальной среде Пруссии также способствовал тому, что еврейские женщины из салонных кругов вошли в мир немецкой литературы. Присутствие евреек в интеллектуальной жизни прусского общества вызвало недовольство ряда представителей литературного истеблишмента Пруссии. Консерваторы предостерегали от «феминизации» и «евреизации» немецкого общества. С ростом патриотических настроений в годы борьбы с Наполеоном консервация интеллектуальной сферы Пруссии набирала обороты. Однако нужды военного времени обусло-

вили вовлечение прусских евреев в орбиту противодействия французской армии, в ходе которого евреи обрели гражданские права.

Источники:

- Фихте 2009 – *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации. СПб., 2009.
- Шлегель 1983а – *Шлегель Ф.* Идеи // Фридрих Шлегель. Философия. Эстетика. Критика. М., 1983. Т. 1. С. 358–365.
- Шлегель 1983б – *Шлегель Ф.* О философии. К Доротее // Фридрих Шлегель. Философия. Эстетика. Критика. М., 1983. Т. 1. С. 336–357.
- Bernhardi 2013 – *Bernhardi A.* Madam Moses // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 568–569.
- Böttiger 2013 – *Böttiger C.* Tagebuch einer Reise nach Berlin // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 482–484.
- Fichte 1793 – *Fichte J.G.* Beitrag zur Berichtigung der Urtheile des Publikums über die französische Revolution. Zürich, 1793.
- Grimm, Ulrich 2013 – *Grimm F., Ulrich J.* Bemerkungen eines Reisenden durch die Königlich Preussischen Städten // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 520–521.
- Herz 1858 – *Herz H.* Ihr Leben und ihre Erinnerungen. Berlin, 1858.
- Levin 1833 – *Levin R.* An Varnhagen, den 12. October 1813 // Ein Buch des Nachdenkens für ihre Freunden. Berlin, 1833. S. 258–260.
- Merkel 2013 – *Merkel G.* An Carl August Böttiger, 9. Juni 1799 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 536.
- Nicolai 2013 – *Nicolai F.* Vertraute Briefe von Adelheid B. an ihre Freundin Julie S. // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 569–574.
- Sander 2013 – *Sander J.* An den Publizisten Carl August Böttiger, 14. Januar 1797 // Henriette Herz in Erinnerungen. Berlin, 2013. S. 475–477.
- Schleiermacher 2013а – *Schleiermacher F.* An seine Schwester Charlotte, d. 30st. Mai 1798 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 249–250.
- Schleiermacher 2013б – *Schleiermacher F.* An Henriette Herz, d. 3t. März, abends 1799 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 268.
- Schleiermacher 2013с – *Schleiermacher F.* An Henriette Herz, d. 3t. September 1798 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 257.

Schleiermacher 1861d – *Schleiermacher F.* An Dorothea, den 6. December 1800 // Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen. Berlin, 1861. S. 244–246.

Schlegel 1861a – *Schlegel D.* An Schleiermacher, den 14. Februar 1800 // Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen. Berlin, 1861. S. 155–156.

Schlegel 1861b – *Schlegel D.* An Schleiermacher, den 28. October 1799 // Aus Schleiermacher's Leben. In Briefen. Berlin, 1861. S. 128–130.

Schiller 2013 – *Schiller F.* An Göthe, 9. Juli 1799 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen. Berlin, 2013. S. 537.

Varnhagen von Ense 1871 – *Varnhagen von Ense K.* Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. Leipzig, 1871. Bd. 2.

Veit 1881 – *Veit P.* An seiner Vater in Berlin // Dorothea v. Schlegel, geb. Mendelsohn und deren Söhne Johannes und Philipp Veit. Mainz, 1881. Bd. 2. S. 146–147.

Литература:

Дубнов 1919 – *Дубнов С.* Новейшая история еврейского народа в 2-х т. Т. 1. Петроград, 1919.

Габитова 1989 – *Габитова Р.* Философия немецкого романтизма: Гельдерлин, Шлейермахер. М., 1989. С. 69–143.

Ионкис 2006 – *Ионкис Г.* Евреи и немцы в контексте истории и культуры. СПб., 2006.

Кац 2007 – *Кац Я.* Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев, 1770–1870. М.; Иерусалим, 2007.

Ковалева 2016 – *Ковалева М.* Берлинский салон Генриетты Герц в фокусе культурной интеграции евреев на рубеже XVIII–XIX вв. // Преподаватель XXI век. М., 2016. № 4. С. 408–416.

Стерхов 2011 – *Стерхов Д.В.* Поражение как религиозное испытание. Отражение военно-политического кризиса Пруссии 1806–1807 гг. в патриотической проповеди // Вестник ТГУ. Томск, 2011. Вып. 10. С. 272–277.

Deibel 1905 – *Deibel F.* Dorothea Schlegel als Schriftstellerin im Zusammenhang mit der romantischen Schule. Berlin, 1905.

Feiner, Naimark-Goldberg 2011 – *Feiner S., Naimark-Goldberg N.* Cultural Revolution in Berlin. Jews in the Age of Enlightenment. Oxford, 2011.

Fuchs 2014 – *Fuchs R.* «Soll ein Weib wohl Bücher schreiben; oder soll sie's lassen bleiben?»: the Immediate Reception of Rahel Levin Varnhagen as a Public Figure // Neophilologus. 2014. Vol. 98(2). P. 303–324.

Garloff 2007 – *Garloff K.* Figures of Love in Romantic Antisemitism: Achim von Arnim // The German Quarterly. 2007. Vol. 80. № 4. P. 427–448.

Goože 2003 – *Goože M.* Posing for Posterity: The Representations and Portrayals of Henriette Herz as «Beautiful Jewess» // *Body Dialects in the Age of Goethe.* Amsterdam; New York, 2003. P. 67–95.

Hahn 2005 – *Hahn B.* A Dream of Living Together: Jewish Women in Berlin around 1800 // *Jewish Women and Their Salons. The Power of Conversation.* New York; New Haven; London, 2005. P. 149–157.

Hertz 2009 – *Hertz D.* How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin. New Haven, 2009.

Lund 2004a – *Lund H.* Die ganze Welt auf ihrem Sofa. Frauen in europäischen Salons. Berlin, 2004.

Lund 2006b – *Lund H.* Der jüdische Salon als Ort der Emanzipation? Die Berliner Salons um 1800 und die bürgerliche Verbesserung // *Moses Mendelsohn. Die Aufklärung und die Anfänge des deutsch-jüdischen Bürgertums.* Hamburg, 2006. S. 149–170.

Tewarson 1988 – *Tewarson H.* Rahel Varnhagen. Hamburg, 1988.

Wilhelmy-Dollinger 2009 – *Wilhelmy-Dollinger P.* Die Berliner Salons. Berlin; New York, 2000.

Jewish Salons of Berlin in the Focus of Intellectual Life in Prussia at the Turn of the XVIII–XIX Centuries

Maria Tretyakova

(Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia)

Doctoral student, ORCID ID: 0000-0003-0780-6309, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, Nikolskaya st. 15, room 10; Miuskaya Sq. 6, build. 5, tel: +7 (495) 698-37-92, E-mail: marsmithee@mail.ru

Summary: The purpose of the article is to demonstrate an influence of Jewish salons of Berlin on the intellectual life of Prussia at the turn of the XVIII–XIX centuries. As a form of communication, salon is characterized with an active participation of women in «traditionally» men's discussions on politics, philosophy and literature. Woman, as a rule, an aristocrat, selected a public at her discretion and moderated a conversation.

A blossom of salon culture in Prussia took place at the second quarter of the XVIII century. Influence of Jewish salons on intellectual life of the kingdom is considered to be a one of the topics-in-question for researchers in this field. Deborah Hertz, Petra Wilhelmy-Dollinger and Renata Fuchs are inclined to represent Jewish salons as a phenomenon of a great significance for both Prussian Jews' life and cultural climat of German-

speaking space. Hannah Lund and Barbara Hahn assess Jewish salons as one of integrative channels at the turn of the XVIII–XIX centuries.

The source base of this article is presented with a wide correspondence and memoirs by actors of salon communication in Berlin, as well as with satirical writings. In this article, the most famous Jewish salons' hostesses — Henriette Herz and Rahel Levin — are presented. High social position of Jewish women's families, as well as their accomplishment and originality incited a great interest to them. Eminent German cultural activists were among the guests of Jewish salons. Intensive communication with Jewish women affected creativity of German authors. So, it is traced in the present article, how a friendship of Henriette Herz with Friedrich Schleiermacher influenced on his formation as a founder of the original religious concept. Also, a role of Dorothea Mendelsohn in Friedrich Schlegel's life and creativity is highlighted.

A special attention is paid to the Jewish women's literary activity as an important component of cultural integration. On a Dorothea Mendelsohn's example, author makes an attempt to demonstrate that affiliation to salon circles gave Jewish women a possibility to start their literary activity.

Author of the present article traces a reaction of Prussian conservative literary circles to a popularity of Jewish salons. On examples of Friedrich Nicolai and August Bernhardt is demonstrated, how a fear of feminization and Jewish integration are reflected in Prussian satire at the end of the XVIII century.

Keywords: *Jewish salons, Haskalah, Prussia, integration, female authorship*

References:

Dubnov S. Noveishaia istoriia evreiskogo naroda. Vol. 1. Petrograd, 1919.

Feiner S., Naimark-Goldberg N. Cultural Revolution in Berlin. Jews in the age of Enlightenment. Oxford, 2011.

Fuchs 2014 – Fuchs R. «Soll ein Weib wohl Bücher schreiben; oder soll sie's lassen bleiben?»: the Immediate Reception of Rahel Levin Varnhagen as a Public Figure // *Neophilologus*. 2014. Vol. 98(2). P. 303–324.

Gabitova R. *Filosofia nemetskogo romantizma: Gelderlin, Shleiermacher*. Moscow, 1989. P. 69–143.

Garloff K. Figures of Love in Romantic Antisemitism: Achim von Arnim // *The German Quarterly*. 2007. Vol. 80. № 4. P. 427–448.

Goože M. Posing for Posterity: The Representations and Portrayals of Henriette Herz as «Beautiful Jewess» // *Body Dialects in the Age of Goethe*. Amsterdam; New York, 2003. P. 67–95.

Hahn B. A Dream of Living Together: Jewish Women in Berlin around 1800 // *Jewish Women and Their Salons. The Power of Conversation*. New York; New Haven; London, 2005. P. 149–157.

Hertz D. How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin; New Haven, 2009.

Ionkis G. *Evrei i nemtsy v kontekste istorii i kultury*. St. Petersburg, 2006.

Kats Ya. *Iskhod iz getto. Sotsialnyĭ kontekst ėmansiatsii evreev, 1770–1870*. Moscow; Jerusalem, 2007.

Kovaleva M. *Berlinskii salon Genrietty Gerts v fokuse kulturnoi integratsii evreev na rubezhe XVIII–XIX vv. // Prepodavatel XXI vek*. 2016. No. 4. P. 408–416.

Lund H. *Die ganze Welt auf ihrem Sopha. Frauen in europäischen Salons*. Berlin, 2004.

Lund H. *Der jüdische Salon als Ort der Emanzipation? Die Berliner Salons um 1800 und die bürgerliche Verbesserung // Moses Mendelsohn. Die Aufklärung und die Anfänge des deutsch-jüdischen Bürgertums*. Hamburg, 2006. S. 149–170.

Sterkhov D. *Porazhenie kak religioznoe ispytanie. Otrazhenie voeno-politicheskogo krizisa Prussii 1806–1807 gg. v patrioticheskoi provedi // Vestnik TGU*. 2011. Iss. 10. P. 272–277.

Tewarson H. *Rahel Varnhagen*. Hamburg, 1988.

Wilhelmy-Dollinger P. *Die Berliner Salons*. Berlin; New York, 2000.